

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ,

как процесс постепенной выработки научно обоснованного и истинного мировоззрения ¹⁾.

Введение.

Суждения объ истории философии Декарта и Куно Фишера.—Историческія причины противоположности этихъ суждений. — Предубъждения противъ истории философии (мнѣніе Бруккера) — Необходимость раскрытія положительнаго взгляда на философію и ея исторію — Значеніе этого раскрытія

Отець новой философіи Декартъ не придавалъ никакого значенія изученію исторіи философіи. „Я даже знать не хочу,—говорилъ онъ,—существовали-ли до меня люди“. Черезъ два съ половиною столѣтія послѣ него крупнѣйшій дѣятель по разработкѣ нашей науки, доселѣ не потерявшій своего обаянія надъ умами, знаменитый Куно Фишеръ, настойчиво заявлялъ и во всѣхъ своихъ многочисленныхъ трудахъ проводилъ мысль, что „исторія философіи содержитъ въ себѣ сущность философіи“ ²⁾. Эта діаметральная противоположность сужденій объясняется историческимъ положеніемъ лицъ, которыя ихъ высказывали.

Позади Декарта, въ прошломъ, лежало то, отъ чего бѣжалъ его свободолюбивый и горячо преданный истинѣ духъ. Схоластика среднихъ вѣковъ и освѣщенные сквозь призму схоластическихъ кривотолковъ уродливые обломки класси-

¹⁾ Изъ лекцій по Исторіи философіи, читанныхъ въ Московской Духовной Академіи 3, 5 и 10 Сентября 1898 года

²⁾ *Куно Фишеръ*, Исторія новой философіи Пер. *Н. Страхова* Т. I 1862 Стр 2.

ческой и святоотеческой философии не могли ничего вы-звать съ его стороны, кромѣ презрѣнія: чѣмъ меньше связи и даже знакомства съ этимъ прошлымъ, тѣмъ лучше; вѣ-реди-же лежалъ широкой и свѣтлый мѣръ надеждъ, науч-ныхъ и философскихъ открытій. Такимъ настроеніемъ про-никнуть былъ не одинъ Декартъ, а рѣшительно всѣ мысли-тели, стоявшіе на поворотѣ отъ средневѣковья къ филосо-фии новаго времени. Много было въ этомъ отрицательномъ взглядѣ преувеличенія и несправедливости; но не будь его, европейская философская мысль долго еще не могла-бы сдѣ-лать тѣхъ усилѣховъ, какими она справедливо гордится те-перь.

Куно Фишеръ въ двусотлѣтнемъ прошломъ новой филосо-фии видѣлъ ростъ и смѣну великихъ системъ, которыя, усту-пая мѣсто другъ другу, однако не умирали и не сдавались окончательно въ архивъ, а продолжали жить въ томъ поло-жительномъ и непрестающемъ вліяніи, какое онѣ оказывали и оказываютъ на всѣхъ новѣйшихъ мыслителей. Цѣльный образъ истинной философии, по мнѣнію Куно Фишера, рас-крывался только ея исторіей. Позади современнаго мысли-теля, въ прошломъ, лежитъ не пустыня и не устрашающіе призраки, а живоносный и свѣжий источникъ знанія и вдох-новляющіе образы великихъ мастеровъ мысли.

Но напрасно было-бы думать, что пренебреженіе прошлымъ философии, презрительное отношеніе къ ея исторіи можетъ быть результатомъ только извѣстныхъ историческихъ усло-вій, какъ у Декарта. Нѣтъ, оно помню того коренится еще и въ нѣкоторыхъ естественныхъ предразсудкахъ лицъ, ли-шенныхъ серьезнаго философскаго образованія, а равно и тѣхъ (къ сожалѣнію, довольно многочисленныхъ) мыслите-лей, которые воображаютъ себя философами, не имѣя въ сущности никакого яснаго понятія о природѣ философской истины. „Истина можетъ быть только одна“,—увѣренно про-возглашаютъ умы, чуждые философии и менѣе всего при-косновенные къ истинѣ. „Не можетъ быть многихъ истинъ“,—глубокомысленно вторятъ имъ и упомянутые псевдо-философы. И принимая это,—въ сущности вполне справедливое, но только плохо ими понимаемое положеніе,—за большую посылку, тѣ и другіе ссылаются, какъ на меньшую посылку, на фактъ разнообразія философскихъ системъ и дѣлаютъ

отсюда логическій выводъ, ставилій ео времени Бруккера, одного изъ первыхъ историковъ философіи, ходячимъ убѣжденіемъ всѣхъ противниковъ философіи,—что „исторія философіи есть рядъ безконечныхъ примѣровъ заблужденій“. Способность понять скрывающійся здѣсь софизмъ дается только хорошимъ философскимъ образованіемъ, которое, надо сознаться, въ наше время (какъ, впрочемъ, и всегда было) довольно рѣдко. Я увѣренъ, что съ подобными предубѣжденіями и изъ васъ многіе пришли въ эту аудиторію...

Кромѣ этой крайней и, такъ сказать, типичной формы предубѣжденія есть не мало и другихъ,—смягченныхъ или умѣренныхъ, но одинаково обнаруживающихъ непониманіе истинной сущности философіи и значенія ея исторіи. Перечислять ихъ я здѣсь не буду. Но я считаю себя обязаннымъ, въ виду такого положенія дѣла, раскрыть предъ вами тотъ истинный взглядъ на философію и ея исторію, который одинъ только способенъ предохранить насъ какъ отъ нефилософскаго, такъ и отъ псевдо-философскаго пренебреженія исторіей философіи и который все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ признаніе въ философскомъ мірѣ, — становясь понемногу, при спорности почти всѣхъ философскихъ доктринъ и мнѣній, единственной незыблемой точкой въ круговоротѣ смѣняющихся системъ и теорій.

Не думайте однако, что я хочу предъ вами защищать или оправдывать философію. Этого не позволяетъ мнѣ дѣлать то высокое мнѣніе, какое я имѣю о достоинствѣ своей науки и ясное пониманіе всей ненужности такой апологетики. Я хочу только раскрыть предъ вами свой положительный взглядъ на этотъ предметъ и помочь тѣмъ изъ васъ, въ комъ есть задатки настоящаго философскаго настроенія, встать на ту точку зрѣнія, при которой они легко могутъ понимать и непреходящую положительную цѣнность философскихъ ученій проплаго, и ихъ относительное, временное и условное значеніе. Я хочу указать вамъ ту мѣрку, прилагая которую къ изученію исторически извѣстныхъ философскихъ системъ, вы могли-бы въ концѣ концовъ дѣйствительно усвоить ясно и сознательно всѣ приобрѣтенія, сдѣланныя доселѣ философствующими умами, и стать лицомъ къ лицу съ насущными проблемами будущаго. Кто пойметъ и усвоитъ этотъ мой взглядъ, для того сама собой станетъ

ясна вся несостоятельность и даже наивность тѣхъ предубѣждений, о какихъ я упоминалъ; а тѣ конкретныя формы, въ какихъ выражается это недовѣріе къ философіи, я буду отмѣчать лишь потому, что чрезъ противоположеніе яснѣе становится самый положительный взглядъ на дѣло.

I.

Философія.

Опредѣленіе философіи.—Философія, какъ научное изслѣдованіе.—Философія, какъ изслѣдованіе общихъ вопросовъ.—Міропознаніе и жизнепониманіе, какъ опредѣленія содержанія философіи.—Различіе между философіей, какъ самостоятельной наукой, и философіями специальныхъ наукъ.—Переходъ къ опредѣленію значенія исторіи философіи.—Три не-историческихъ взгляда на философію.—Корень всѣхъ этихъ ошибочныхъ воззрѣній.—Какъ смотрѣть на философскія противорѣчія?

Что такое философія, какъ историческій фактъ? Я не спрашиваю о томъ, чѣмъ должна быть философія по своей идее. Объ этомъ самими философами такъ много писано и говорено самыхъ разнообразныхъ вещей, что объединить все это разнообразіе воззрѣній въ одномъ опредѣленіи нѣтъ никакой возможности. Да это и не нужно, потому что всѣ эти философіи опредѣленія философіи, сдѣланныя почти всегда подъ угломъ зрѣнія известной философской доктрины, сами должны стать предметомъ того историческаго изученія, въ которое я хочу ввести васъ. Я спрашиваю только о тѣхъ признакахъ, по какимъ мы известные умственные или литературныя явленія болѣе или менѣе безошибочно называемъ „философіей“. Такимъ опредѣленіемъ, подъ которое подойдут не только всѣ исторически известныя философскія доктрины, но руководясь которымъ, европейское словоупотребленіе и впередъ будетъ называть известные доктрины именемъ философскихъ, я признаю слѣдующее: *философія есть научное изслѣдованіе общихъ вопросовъ міропознанія и жизнепониманія* ¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи намѣчены—*задача, предметъ и содержаніе философіи.*

¹⁾ Опредѣленіе это примыкаетъ къ сдѣланному В. Виндельбандомъ въ его „Исторіи философіи“. „Unter Philosophie versteht der heutige Sprach-

Философія есть „научное изслѣдованіе“; — слѣдовательно, *задача* ея, какъ и всякаго вообще научнаго изслѣдованія, есть отысканіе *истины* относительно изслѣдуемаго предмета. Познаніе является неискоренимой психологической потребностью человѣческой природы. Любопытство дѣтей и дикарей есть самое яркое тому доказательство. А замѣчательная и поистиннѣ неподражаемая подробность и разносторонность наивныхъ міросозерцаній,—имѣю въ виду не только народныя міросозерцанія, но даже и людей такъ называемаго средняго класса,—показываетъ, какую роль въ выработкѣ нашихъ воззрѣній имѣетъ наука. Вы нерѣдко услышите, да и сами, вѣроятно, не разъ высказывали избитый афоризмъ, что „наука обогащаетъ насъ знаніями“. Это—далеко не такъ справедливо, какъ кажется на первый взглядъ. Если подѣ знаніемъ разумѣть, безъ всякихъ оговорокъ, совокупность положительныхъ свѣдѣній о предметѣ, какими располагаетъ данный человѣкъ, то этотъ афоризмъ въ большинствѣ случаевъ будетъ прямо ложенъ. Чѣмъ меньше развитъ и научно образованъ человѣкъ, тѣмъ больше у него положительныхъ убѣжденій. Кто знакомъ съ психологіей, тотъ не только не усумнится въ этомъ фактѣ, но и легко найдетъ ему объясненіе. Врожденная жажда знанія, называемая любопытствомъ на низшихъ ступеняхъ развитія и—любопытностью на высшихъ, если не сдерживается научной и методической осторожностью, легко переходитъ въ то, что Бэнъ справедливо называетъ „врожденной склонностью къ слѣпой увѣренности“ ¹⁾. Склонность эта не терпитъ пробѣловъ въ міровоззрѣніи. И для умовъ недисциплинированныхъ обыкновенно нѣтъ неразрѣшимыхъ или нерѣшенныхъ вопросовъ... Роль науки состоитъ прежде всего въ томъ, что она обуздываетъ эту склонность къ слѣпой увѣренности и тѣмъ производитъ въ наивныхъ міровоззрѣніяхъ громад-

gebrauch die wissenschaftliche Behandlung der allgemeinen Fragen von Welterkenntniss und Lebensansicht“ (*W. Windelband* Geschichte der Philosophie. 1892. S. 1) Но предлагаемыя ниже разъясненія даннаго опредѣленія не стоятъ ни въ какой зависимости отъ тѣхъ краткихъ расъясненій, какія присоединяетъ къ своему опредѣленію Виндельбадъ, и имѣютъ съ ними мало общаго.

¹⁾ В. Минто, Дедуктивная и индуктивная логика Пер. *Котляревскаго*. 1896. Стр. 30.

няя опустошенія. Правда, въ замѣнъ разрушенныхъ наивныхъ убѣжденій она даетъ провѣренныя *истинныя* знанія. Но послѣднія *количественно* никогда не сравнятся съ тѣми убѣжденіями, какія они собой замѣняютъ.

Существенное отличіе научнаго убѣжденія отъ наивнаго состоитъ въ томъ, что для научно-дисциплинированнаго ума важно не какое попало убѣжденіе, лишь-бы не оставалось пустаго мѣста въ нашемъ міровоззрѣніи, а—только убѣжденіе, отмѣченное печатью истинности. Условія этой истинности опредѣляютъ логика (въ ученіи о научной достовѣрности) и методологія наукъ. „Научное изслѣдованіе“ состоитъ въ методическомъ отысканіи и установкѣ истинныхъ сужденій о предметѣ. Если я называю философію „*научнымъ изслѣдованіемъ*“ общихъ вопросовъ міропознанія и жизнепониманія“, то этимъ, какъ замѣчено, утверждается, что *цѣль и задача* философіи есть отысканіе *истины*. Фантастическія построенія, художественныя концепціи, догадки обыденнаго или житейскаго смысла столь-же далеко не составляютъ философіи, какъ не составляютъ и науки. *Философія, какъ „научное изслѣдованіе“, имѣетъ цѣлью замѣнять наивныя убѣжденія естественнаго или обыденнаго смысла методически установленными и провѣренными въ своей истинности сужденіями о предметахъ.*

„Философія есть научное изслѣдованіе *общихъ вопросовъ* міропознанія и жизнепониманія“. Здѣсь указанъ, какъ я уже замѣтилъ, и *предметъ* философіи, именно общіе вопросы. Когда говорятъ объ „общихъ вопросахъ“, то какъ показываетъ словоупотребленіе, ихъ отличаютъ отъ какихъ-то „частныхъ“ вопросовъ. Различеніе это есть выраженіе *условности* человѣческаго знанія. Всякая область знанія, составляющая извѣстную науку, развивается подъ условіемъ нѣкоторыхъ предположеній и допущеній, въ предѣлахъ самой этой науки не изслѣдуемыхъ. Въ отношеніи къ содержанію данной науки, какъ къ спеціальнымъ или частнымъ вопросамъ, эти предположенія и допущенія образуютъ сферу общихъ вопросовъ. Такъ вопросъ о природѣ и реальности пространства является общимъ вопросомъ въ отношеніи къ аксіомамъ и теоремамъ геометріи, опредѣляющимъ свойства спеціальныхъ пространственныхъ отношеній и особенности каждаго изъ измѣреній пространства. Подобнымъ-же общимъ

вопросомъ въ отношеніи къ механикѣ является вопросъ о времени; въ отношеніи къ юридической наукѣ—вопросъ о свободѣ воли, вмѣняемости и нравственной отвѣтственности; въ отношеніи къ психологіи—вопросъ о реальности духовнаго начала въ человѣкѣ и безсмертіи души; въ отношеніи къ физикѣ и химіи—о существованіи и чувственныхъ свойствахъ матеріальныхъ вещей и т. д. Всѣ эти вопросы въ предѣлахъ указанныхъ наукъ не изслѣдуются. Такое или иное ихъ рѣшеніе спеціальными науками или *предполагается*, или *игнорируется*. -

Всякое изслѣдованіе является *философскимъ въ отношеніи къ той наукѣ, общіе вопросы которой (не изслѣдуемые въ ея собственныхъ предѣлахъ) оно беретъ на себя*. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть *столько-же философій, сколько есть спеціальныхъ наукъ*, потому что въ каждой наукѣ есть общіе вопросы, ея самою не изслѣдуемые.

Если-же существованіе въ каждой наукѣ и различіе въ ней вопросовъ частныхъ или спеціальныхъ, составляющихъ собственно предметъ ея изслѣдованія, отъ вопросовъ „общихъ“, не изслѣдуемыхъ данною наукою, есть,—какъ я сказалъ,—выраженіе *условности* человѣческаго знанія, то философія, или научное изслѣдованіе этхъ общихъ вопросовъ, является борьбой противъ указанной условности знанія: философія стремится препобѣдить эту условность и сообщить нашему познанію характеръ *безусловной достовѣрности*. Если истины спеціальныхъ наукъ всегда носятъ на себѣ печать относительности, то истины философскія,—по крайней мѣрѣ, въ тенденціи,—суть истины *безотносительныя*, или *абсолютныя*. А поскольку всякое *научное* изслѣдованіе, какъ мы видѣли, характеризуется именно стремленіемъ къ *истинѣ*, постольку, стало быть, философія есть *наука par excellence*, „наука наукъ“....

Но если-бы философія предметомъ своего изслѣдованія имѣла только общія понятія и основныя предположенія всѣхъ вообще наукъ, оставаясь совершенно нейтральной къ затрогиваемому этими общими вопросами содержанию, къ ихъ взаимному отношенію и къ ихъ значенію для познавательной и практической дѣятельности человѣчества, то она являлась-бы только простымъ придаткомъ къ спеціальнымъ наукамъ, образовала-бы, такъ сказать,

только *παράλληλόμενα* наукъ (такой взглядъ на нее дѣйствительно существуетъ) и—въ этомъ случаѣ она никакъ ужь не могла-бы претендовать на званіе самостоятельной науки. Только собственное, ей одной принадлежащее *содержаніе* гарантируетъ ей право считаться самостоятельной наукой. На это содержаніе философіи, какъ науки, и указываетъ послѣдній элементъ въ ея опредѣленіи. „Философія,—сказаль я,—есть научное изслѣдованіе общихъ вопросовъ *μίροπознаκία* и *жизнепониманія*“.—„Міропознаніе“ и „жизнепониманіе“—вотъ что даетъ собственное содержаніе философіи. Міропознаніе и жизнепониманіе находятъ свое частичное выраженіе и въ специальныхъ наукахъ,—какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, или прикладныхъ. Но это познаніе не есть познаніе *міра*, какъ *цѣлаго*, и жизнепониманіе не есть цѣльная концепція, охватывающая *въ единствѣ оцѣнки и программы* всю многообразную и сложную совокупность практическихъ отношеній и жизненныхъ стремленій чедовѣчества. Міръ и жизнь, какъ *цѣлое*, ускользають отъ изслѣдованія специальныхъ наукъ. Это изслѣдованіе беретъ на себя философія. Образую въ отношеніи къ специальнымъ наукамъ, какъ я сказаль, сводъ ихъ *παράλληλόμενων*, философія не останавливается только на этомъ, не оставляетъ эти *παράλληλόμενα* безъ тѣснѣйшаго внутренняго соотнесенія, какъ только механически объединенный матеріаль, а объединяетъ ихъ въ стройную *логическую систему*, дающую полный, законченный образъ цѣлага міра и высшее выраженіе жизненной мудрости.

Вы, можетъ быть, уже замѣтили, что раскрываемый мною въ настоящемъ случаѣ взглядъ на философію напоминаетъ въ значительной степени древне-классическое воззрѣніе на нее, связывавшееся съ понятіями *φιλοσοφείν*, *φιλοσοφία* и формулировавшееся въ опредѣленіи: „philosophia est rerum humanarum divinarumque scientia“,—„философія есть познаніе вещей божескихъ и чедовѣческихъ“. Дѣйствительно, философія, какъ историческій фактъ,—если не специализировать ея понятіе въ интересахъ той или иной школы (съ такими опредѣленіями вы, вѣроятно, уже знакомы, да и успѣете еще познакомиться),—удобнѣе всего можетъ быть опредѣлена въ духѣ древности, конечно, съ тою непремѣнною оговоркой, что scientia rerum divinarum humanarumque не есть *сумма* наукъ,

а ихъ *завершеніе*. Въ этомъ согласны большинство новѣйшихъ историковъ философіи. „Міропознаніе“ и „жизнепониманіе“ могутъ быть объединены въ одномъ понятіи—„міросозерцанія“, поскольку послѣднее объединяетъ въ себѣ какъ теоретическія, такъ и практическія убѣжденія человѣка. *Философское міросозерцаніе въ отношеніи къ философіямъ отдѣльныхъ, спеціальныхъ наукъ*, о которыхъ я говорилъ раньше, *есть ихъ синтезъ въ одно органическое цѣлое*. Но этого мало. При попыткахъ такого синтеза обнаруживается, что общіе вопросы спеціальныхъ наукъ, такъ сказать, не по всей линіи соприкасаются вплотную; оказывается очень много промежуточныхъ областей, заполненіе которыхъ, — въ интересахъ полнаго и систематическаго міросозерцанія,—образуетъ уже *спеціальное содержаніе философіи*, какъ науки.

Изъ сказаннаго вы видите, какое я признаю различіе между философіей, какъ самостоятельной и даже спеціальной наукой, и просто философскими изслѣдованіями, понимаемыми въ смыслѣ научной обработки общихъ вопросовъ спеціальныхъ наукъ. Послѣднія относятся къ первой, безспорно, какъ *части* или *элементы* къ *цѣлому*; но цѣлое, или *философія* въ качествѣ самостоятельной науки, этими элементами не исчерпывается и не покрывается. Она ставитъ себѣ спеціальныя задачи, опредѣляемыя интересами полнаго и разносторонняго *міросозерцанія*, ищетъ *высшаго завѣренія истины* всѣхъ нашихъ знаній и, подъ руководствомъ этого критерія, создаетъ стройную *систему*, чуждую тѣхъ естественныхъ и многочисленныхъ пробѣловъ, какіе образуются при простомъ сводѣ философіи спеціальныхъ наукъ. Коротче говоря, философія, какъ самостоятельная наука, отличается отъ простой философской обработки общихъ вопросовъ спеціальныхъ наукъ тѣмъ, что она *универсализируетъ* и свой предметъ, и свои задачи: идея міра и жизни, *какъ цѣлаго*,—во-первыхъ, идея истины гарантированной *въ самыхъ послѣднихъ основаніяхъ*,—во-вторыхъ, и чуждая пробѣловъ система знанія,—въ третьихъ,—вотъ тѣ черты, какими характеризуется философія, разъ она стремится быть самостоятельной наукой. Въ качествѣ *только тенденцій* эти черты могутъ быть вскрыты и во всѣхъ философіяхъ спеціальныхъ наукъ. Но философія, какъ сама спеціальная наука, замѣняетъ эти тенденціи ясно поставленными идеалами и задачами.

Если вы усвоите раскрытое мною *опредѣленіе философіи*, то для васъ легко будетъ понять и *сущность ея исторіи*, и несостоятельность пренебреженія этой исторіей. Подъ „исторіей философіи“ я въ настоящемъ случаѣ разумѣю не науку, которую мы съ вами будемъ изучать, — объ этомъ у меня еще рѣчь впереди, — а исторію, какъ *объективный процессъ*, какъ *смѣну во времени философскихъ міросозерцаній*. Какъ мы должны смотрѣть на эту смѣну? Всякая новая система есть-ли простое отрицаніе прежнихъ, дѣлающее знакомство съ послѣдними совершенно бесполезнымъ для выработки собственнаго нашего міросозерцанія?—Если мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ утвердительно, то, конечно, правъ будетъ Декартъ, не хотѣвшій ничего знать о своихъ предшественникахъ; правъ будетъ и Бруккеръ, объявлявшій исторію философіи рядомъ безконечныхъ примѣровъ заблужденій.

Я говорилъ, что философія, какъ научное изслѣдованіе, стремится къ *отысканію истины*, а какъ изслѣдованіе общихъ вопросовъ, —возставая противъ условности знанія, — стремится найти *абсолютно достовѣрную истину*. Повидимому, ко всей совокупности исторически извѣстныхъ философскихъ системъ было-бы примѣнимо слѣдующее разсужденіе: или *ни одна изъ нихъ не нашла истины*, —въ такомъ случаѣ, знакомство съ ними совершенно не нужно и бесполезно для выработки нашего міровоззрѣнія; или истиной владѣетъ *какая-либо одна изъ нихъ*, —въ такомъ случаѣ, ее и надо изучать а прочими пренебречь; или, наконецъ, обладаніе истинной *раздѣлено* между системами въ разной пропорціи, —въ такомъ случаѣ, ихъ надо всѣ подвергнуть критическому изученію и выдѣлить содержащіяся въ каждой крупіцы истины. Для цѣлесообразнаго и плодотворнаго *историческаго изученія* во всѣхъ трехъ случаяхъ не остается мѣста. Относительно двухъ первыхъ это очевидно само собою. Что же касается третьяго, то я попрошу васъ прежде всего вспомнить, что критика вѣдь не есть еще исторія; и изученіе всѣхъ преемственно смѣнявшихъ другъ друга міровоззрѣній, съ цѣлію только *выборки* изъ нихъ истинныхъ элементовъ, не будетъ историческимъ, потому что для него совершенно безразличны —связь, послѣдовательность и взаимныя отношенія системъ: для него все равно изучать Декарта послѣ Гегеля, а Канта раньше Юма и Лейбница.... А за-

тѣмъ, во имя какихъ началъ будемъ мы производить критику и выборку? Очевидно, что эти начала должны быть *раньше найдены* и установлены; а это значитъ почти то-же самое, что построить собственное истинное мировоззрѣніе, которое, разумѣется, сдѣлаетъ уже излишнимъ изученіе другихъ мировоззрѣній прошлаго.

Корень всѣхъ возникающихъ здѣсь недоразумѣній, какъ я уже сказалъ, находится въ *превратномъ воззрѣніи на истину*. Полагаютъ, что истина есть нѣчто подобное кладу, который можетъ быть однажды найденъ и тѣмъ сдѣлать излишними всѣ дальнѣйшія исканія. Это предположеніе и содержитъ въ себѣ пресловутые тезисы, что „истина можетъ быть только одна“ и „не можетъ быть многихъ истинъ“. Тезисы эти, какъ я сказалъ,—совершенно справедливы; но люди, чуждые философіи, не понимаютъ ихъ настоящаго значенія и легко увлекаются обольстительными аналогіями наивнаго опыта,—въ родѣ, напримѣръ, приведеннаго сравненія съ кладомъ....

„Истина можетъ быть только одна“. Какой смыслъ должны мы соединять съ этимъ утвержденіемъ? — Никто, конечно, и не подумаетъ придавать ему тотъ смыслъ, будто изъ всѣхъ нашихъ многочисленныхъ познаній о предметахъ только одно какое-нибудь можетъ быть истиннымъ: многочисленные теоремы геометріи не мѣшаютъ истинности другъ друга; законы химіи, физики и механики нисколько не дискредитируются тѣмъ, что истиной владѣеть геометрія и т. д. Настаиваютъ только на томъ, что объ одномъ и томъ-же предметѣ въ одномъ и томъ-же отношеніи можетъ быть высказано лишь одно истинное сужденіе. Это — безспорно правильно и только выражаетъ требованіе логическихъ законовъ тождества и противорѣчія. Но можемъ-ли мы безъ подробныхъ и тщательныхъ оговорокъ прилагать это мѣрило къ оцѣнкѣ не только цѣлыхъ системъ, этихъ въ высшей степени многосложныхъ и разностороннихъ продуктовъ челоувѣческаго ума, а даже и отдѣльныхъ ихъ частей и предложеній?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Истина, конечно, одна. Но *противорѣчія* философскихъ системъ, на которыя такъ любятъ указывать хулители философіи, всегда-ли суть противорѣчія въ сужденіи *объ одномъ и томъ-же предметѣ и въ одномъ и томъ-же отношеніи?*—

Повѣрьте, что даже специалистъ въ философіи, прекрасно знакомый съ своей литературой, не рѣшится утверждать это; тѣмъ болѣе смѣшны претензіи на сужденіе въ этомъ вопросѣ лицъ, не дававшихъ себѣ труда, да и неспособныхъ какъ слѣдуетъ понять и оцѣнить ни собственнаго содержанія какой-либо системы, ни настоящаго отношенія ея къ другимъ системамъ. Извѣстно, что чѣмъ меньше человѣкъ знаетъ, тѣмъ проще кажется ему рѣшеніе всевозможныхъ вопросовъ, тѣмъ увѣреннѣе онъ берется за подобное рѣшеніе и обыкновенно достигаетъ, по-своему, блестящихъ результатовъ. Такъ и съ философскими противорѣчіями: кто никогда не изучалъ самыхъ философскихъ системъ, а знакомился съ ними только по изложеніямъ да учебникамъ, тому нерѣдко философскія системы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ рисуются, какъ стройныя группы тезисовъ и антитезисовъ по однимъ и тѣмъ-же вопросамъ, и тотъ развязно можетъ толковать о „противорѣчіяхъ“; но кто самъ проштудировалъ хоть нѣсколько первоисточниковъ, тотъ знаетъ всю неточность этого внѣшняго схематизма, тотъ знаетъ, что вскрыть настоящее философское противорѣчіе гораздо труднѣй, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Возьмите, напримѣръ отношеніе Локка къ Декарту.—Вы навѣрное, знаете, что Декартъ былъ нативистъ, признавалъ врожденные идеи, а Локкъ—эмпирикъ, противникъ врожденныхъ идей. Между тѣмъ, начните вы изучать подлинныя сочиненія Декарта и Локка,— и вы убѣдитесь, что это противорѣчіе далеко не такъ очевидно: вы убѣдитесь, что и Локкъ не отрицалъ нѣкоторыхъ врожденныхъ началъ знанія и дѣятельности, и Декартъ не признавалъ тѣхъ врожденныхъ идей, противъ которыхъ полемизировалъ Локкъ; вы убѣдитесь, что Декартъ и Локкъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ вамъ казалось; противорѣчіе-же ихъ есть въ значительной степени продуктъ историческаго схематизированія комментаторовъ, нарочитаго подчеркиванія и раскрытія различій. Послѣдній пріемъ самъ по себѣ имѣетъ очень высокую научную цѣнность;—но на него и надо смотрѣть именно, какъ на искусственный пріемъ.

Далѣе,—пусть намъ удастся открыть *настоящее противорѣчіе*. „Не можетъ быть двухъ истинъ“, скажутъ намъ на это.—Вѣрно! Но и самый горячій сторонникъ той мысли

(Куно Фишера), упомянутой мною въ самомъ началѣ, — что „исторія философіи содержитъ въ себѣ сущность философіи“, — не станетъ увѣрять васъ въ противномъ и навязывать вамъ принятіе обоихъ противорѣчащихъ сужденій. Конечно, изъ нихъ истинно только какое-нибудь одно; но это отнюдь не значить, чтобы другое, оказывающееся ложнымъ, не имѣло никакого значенія для выработки нашего міросозерцанія, для нашихъ поисковъ за истиной. Часто наиболѣе плодотворныя и научно цѣнныя идеи зарождались въ затхлои атмосферѣ заблужденій, и познаніе этой идейной обстановки истины можетъ служить для насъ ключомъ къ новымъ изысканіямъ надъ нею, съ цѣлью раскрыть или ограничить сферу ея приложенія. Нерѣдко также бываетъ, что принципъ, несостоятельный въ своихъ притязаніяхъ на положительную истинность, бываетъ въ высшей степени плодотворнымъ методологическимъ началомъ, — по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ замѣненъ столь-же плодотворнымъ истиннымъ принципомъ. Таковъ, на примѣрѣ, принципъ эволюціонной теоріи. Его громадная польза для всѣхъ почти наукъ безспорна. Его права на объективную истинность болѣе чѣмъ сомнительны. Противорѣчія философскихъ системъ, наконецъ, важны и цѣнны также потому, что только они даютъ намъ возможность понять во всей точности смыслъ положительныхъ философскихъ пріобрѣтеній. Въ исторіи мысли противорѣчія суть двигатели прогресса. Старое изреченіе „изъ споровъ рождается истина“ нигдѣ не является столь справедливымъ, какъ именно въ исторіи философіи.

Вы, надѣюсь, видите теперь, какъ осторожно надо примѣнять къ оцѣнкѣ противоборствующихъ философскихъ ученій логическіе законы тождества и противорѣчія. Но этого мало. Я желалъ-бы, чтобы вы вдумались въ самое *понятіе истины* — съ цѣлію рѣшить, можетъ-ли философская истина быть разсматриваема, какъ окончательно кристаллизовавшаяся итогъ научныхъ изысканій, исключаящей всякую потребность въ дальнѣйшей работѣ; — похожа-ли философская истина на „кладъ“, съ которымъ такъ любятъ ее сравнивать?

II.

Истина и философія.

Что такое истина?—Наростаніе положительныхъ приобрѣтеній въ наукѣ и постоянный пересмотръ философіей своихъ проблемъ.—При какихъ условіяхъ наше познаніе согласно съ дѣйствительностью? — Не ускользаетъ ли отъ философіи истина?—Относительность понятія истины. — Условность научнаго познанія.—Стремленіе философіи преоблѣдить эту условность.—Философское и научное понятіе истины.

Что такое истина?—Оставляя здѣсь, какъ и при опредѣленіи философіи, въ сторонѣ всѣ многочисленныя философскія опредѣленія, сдѣланныя съ точки зрѣнія той или иной школы, я беру пока опредѣленіе, даваемое самой нейтральной наукой, логикой: *истина есть согласіе познанія съ познаваемой дѣйствительностью*. Этотъ идеаль истины осуществляютъ всѣ науки. Его-же,—въ той или иной формѣ, съ необходимыми поправками,—ставитъ себѣ, не смотря на различіе въ опредѣленіяхъ, и философія.

Казалось-бы, что при этой одинаковости идеала, сравненіе историческихъ итоговъ развитія специальныхъ наукъ и философіи можетъ доставить только отрицательныя данныя для сужденія о познавательной правоспособности философіи. Дѣйствительно, при такомъ сравненіи, вы безъ труда замѣтите, что *положительныя приобрѣтенія* ¹⁾ специальныхъ наукъ мирно уживаются съ раннѣйшими приобрѣтеніями и только увеличиваютъ собою содержаніе науки, между тѣмъ какъ въ философіи почти каждый новый взглядъ является *на сѣтну* какихъ-либо прежнихъ. Философія вѣчно пересматриваетъ заново свое содержаніе. Я не касаюсь здѣсь пока вопроса о такъ называемомъ количественномъ прогрессѣ философіи, хотя и считаю умѣстнымъ сказать, что я лично признаю такой прогрессъ. Я только отмѣчаю фактъ, что по отношенію къ однимъ и тѣмъ-же проблемамъ философскія рѣшенія не остаются неизмѣнными. Вотъ эту-то разницу между специальными науками и философіей обыкновенно ²⁾ ставятъ въ пассивъ философіи, упрекая ее въ томъ, что она „толчется на одномъ мѣстѣ“, никогда не можетъ рѣ-

¹⁾ Прошу замѣтить, что я говорю о положительныхъ приобрѣтеніяхъ, а не гипотезахъ и теоріяхъ, которыя въ значительной степени сами принадлежатъ къ философіи и смѣняются съ не меньшей быстротой, чѣмъ философскія доктрины.

шить своихъ проблемъ окончательно. Если истина, — говорить намъ,—есть согласіе познанія съ познаваемой дѣйствительностью, то вѣчный пересмотръ философіей своихъ рѣшеній показываетъ, что это „согласіе съ дѣйствительностью“ ей не дается, какъ заколдованный кладъ.

Но на самомъ дѣлѣ, и не покидая даннаго опредѣленія истины, какъ согласія познанія съ познаваемой дѣйствительностью, мы всетаки не вынуждаемся къ отрицательному сужденію о познавательной правоспособности философіи. „Согласіе съ дѣйствительностью“ есть понятіе въ высшей степени *многосмысленное*; и когда мы уяснимъ себѣ его значеніе, мы поймемъ, что постоянный пересмотръ философіей своихъ проблемъ еще не означаетъ того, будто отъ нея ускользаетъ истина, понимаемая въ этомъ смыслѣ. Обыкновенно это согласіе признается или отрицается въ зависимости отъ тѣхъ *общихъ понятій*, какими владѣетъ данный человекъ. Непосредственнаго сравненія дѣйствительности съ содержаніемъ познанія никогда не бываетъ, — если не считать нѣкоторыхъ специальныхъ и при томъ весьма спорныхъ случаевъ. Справедливость этого даже въ отношеніи къ опытному познанію давно уже признана психологіей, какъ безспорный фактъ. Дикарь не сомнѣвается въ согласіи своихъ познаній съ дѣйствительностью, дѣлая самыя невѣроятныя умозаключенія. Когда австралійскій негръ, сообщаетъ Фр. Мюллеръ въ своей „Allgemeine Ethnographie“, видитъ, что его соплеменникъ умираетъ не отъ выстрѣла или какого-нибудь другаго внѣшняго поврежденія, то онъ заключаетъ что здѣсь замѣшано колдовство, и чтобы открыть, кто своей волшебной силой умертвилъ его товарища, онъ слѣдитъ за первымъ попавшимся насѣкомымъ, удаляющимся отъ мѣста убійства; кто первый попадаетъ на встрѣчу, тотъ и долженъ быть убійцей ¹⁾. „По своимъ предположеніямъ,—замѣчаетъ объ этомъ примѣрѣ Гефдингъ,—это хорошее и рациональное мышленіе. Дикарь стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что причинною бросающихся въ глаза явленій должны быть личныя существа, похожія на него и на его близкихъ“ ²⁾. А

¹⁾ Г. Гефдингъ, Очерки психологій, основанной на опытѣ 2 Изд 1896. Стр 231.

²⁾ Ibid

прочитайте вы „Исторію индуктивныхъ наукъ“ Уэвеля или I томъ „Исторіи матеріализма“ Лянге—и вы увидите, какъ богато подобными примѣрами даже научное познаніе на своихъ сравнительно низшихъ ступеняхъ. Пусть *чувственный опытъ* для всѣхъ людей *одинъ*;—истолкованіе его всецѣло опредѣляется нашими общими понятіями. Изучая исторію новой философіи, мы увидимъ, что это положеніе стало гносеологической аксіомой. Но если вы пожелаете остаться и на нейтральной почвѣ логики, то припомните, что провѣрка истинности и достовѣрности познанія имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ въ отношеніи такъ называемаго *посредственнаго познанія*, т. е. истолкованія нашего опыта подъ руководствомъ общихъ понятій. *Доколѣ человекъ не сомнѣвается въ правильности своихъ общихъ понятій, онъ всегда будетъ имѣть налицо въ своемъ познаніи согласіе его съ дѣйствительностью.* Ошибочнымъ и ложнымъ онъ будетъ считать только то, что не мирится съ принимаемыми имъ общими началами познанія. Почему такъ?—потому, что самую связь дѣйствительности онъ улавливаетъ лишь черезъ очки этихъ началъ. Припомните, что суевѣрный человекъ въ опытѣ и въ дѣйствительности обыкновенно находитъ все новыя и новыя подтвержденія своихъ суевѣрій. Справедливо, по моему мнѣнію, англійскій мыслитель Минто признаетъ невѣрною старинную поговорку: „опытъ учитъ глупыхъ“. — „Признакъ глупца, говоритъ онъ, тотъ, что его опытъ ничему не можетъ научить“ ¹⁾. Дѣйствительно, всѣ люди болѣе или менѣе пренебрегаютъ указаніями опыта подъ вліяніемъ предвзятыхъ идей, или,—какъ я ихъ называю,—общихъ понятій. Поэтому, доколѣ мы остаемся вѣрны своимъ общимъ понятіямъ, наше познаніе всегда будетъ,—по крайней мѣрѣ, *въ нашихъ собственныхъ глазахъ*, — *согласно съ дѣйствительностью.*

Теперь и вернемся опять къ сравненію философіи съ спеціальными науками. Въ послѣднихъ, какъ я говорилъ, новыя истины становятся *на ряду* съ прежде добытыми. Въ философіи новое, большею частью, является *на смену* стараго. Значитъ-ли это, что въ спеціальныхъ наукахъ мы имѣмъ несомнѣнное согласіе съ дѣйствительностью, а философіи

¹⁾ *Минто*, цит соч., стр 30

это согласіе не дается?—Относительно спеціальныхъ наукъ это вѣрно, но—лишь потому, что онѣ не пересматриваютъ своихъ общихъ понятій. Относительно-же философіи это не вѣрно. Пусть даже философія, какъ намъ говорятъ, „*толчется на одномъ мѣстѣ*“, никогда не можетъ рѣшить своихъ проблемъ *окончательно*; можно-ли отсюда строго логически выводить, что философскія системы не достигаютъ согласія съ дѣйствительностью? — Въ основѣ этого упрека лежитъ ошибочное разсужденіе, что *какъ одна дѣйствительность, такъ только одно можетъ быть и согласное съ нею познаніе*. Но вы уже изъ приведенныхъ мною разъясненій видите, что каждое, даже самое фантастическое познаніе, по своему, бываетъ согласно съ дѣйствительностью. И съ этой точки зрѣнія философіи очень трудно сдѣлать упрекъ. Справедливо говорятъ, что философскія положенія не такъ легко подтвердить опытомъ, но не такъ легко и опровергнуть опытомъ, какъ естественно-научныя гипотезы и теоріи ¹⁾. Намъ, конечно, скажутъ, что—плохая рекомендація для философіи, если она свою познавательную правоспособность вынуждена подтверждать аналогіей съ фантастическимъ мышленіемъ дикарей и суевѣрныхъ людей;—надо искать такого согласія съ дѣйствительностью, которое обусловливалось-бы не фантастическими представленіями, а *достоверными* и надежными общими понятіями. Но къ этому именно и я самъ велъ свою рѣчь. *Согласіе съ дѣйствительностью всегда будетъ въ предѣлахъ тѣхъ общихъ понятій, какими руководится познаніе*. А философія, какъ я вамъ говорилъ, помимо спеціальныхъ интересовъ міропознанія,—и имѣетъ своимъ предметомъ именно *общіе вопросы и общія руководящія понятія спеціальныхъ наукъ*. Значитъ, она, во всякомъ случаѣ, стоитъ выше упрековъ въ несогласіи съ дѣйствительностью; и когда ей станутъ указывать на такое несогласіе, она всегда можетъ отвѣтить отрицаніемъ тѣхъ общихъ понятій, во имя которыхъ констатируется это несогласіе.

Случайъ этотъ будетъ совершенно однороденъ съ тѣми, какіе наблюдаются въ борьбѣ научныхъ теорій съ предрасудками и мнимо-фактическими опроверженіями. Лѣтъ двѣсти тому назадъ никто не опровергалъ и не считалъ требую-

¹⁾ Фалькенбергъ Исторія новой философіи Русск пер 1894, Стр. 1.

щею доказательства аксіому, что „вещь не можетъ дѣйствовать тамъ гдѣ ея нѣтъ“. Аксіома эта для принимавшихъ ее, разумѣется, и сама была согласна съ дѣйствительностью, и была критеріемъ такого согласія для другихъ физическихъ сужденій. Она служила картезіанцамъ страшнымъ оружіемъ противъ теоріи тяготѣнія, которая, по ихъ мнѣнію, обнимая очевидную нелѣпость, должна быть отвергнута на самомъ порогѣ (*in limine*): солнце, не будучи на землѣ, не можетъ на нее и дѣйствовать. Это предположеніе имѣло вліяніе и на самого Ньютона, который для отраженія довода выдумалъ тонкій эвиръ, наполняющій пространство между солнцемъ и и землею ¹⁾. Теперь никто не вѣритъ въ непогрѣшимость этой аксіомы (хотя, къ слову замѣчу, и не настаиваютъ на ея ложности). А законъ тяготѣнія признанъ наукой и, конечно, вполне согласенъ съ дѣйствительностью... Противники Коперника отвергали движеніе земли на томъ основаніи, что если бы она двигалась, то камень, упавъ съ высокой башни, достигъ-бы земли не у подошвы башни, а на небольшомъ отъ нея разстояніи, въ направленіи, противномъ движенію земли,—точно такъ-же, говорили они, какъ мячикъ выпущенный изъ рукъ съ вершины мачты, на полномъ ходу корабля, упадетъ не вплотъ у основанія мачты, а ближе къ корму корабля. Здѣсь въ опроверженіе теоріи приводился фактъ, который однако на дѣлѣ былъ отнюдь не фактомъ, а лишь продуктомъ *ложныхъ общихъ понятій* и предположеній. Сторонники Коперника разомъ заставили-бы своихъ оппонентовъ замолчать, если-бы они испытали уронить мячикъ съ верху мачты: тогда они увидѣли-бы, что онъ падаетъ вплотъ у мачты, какъ того требуетъ теорія ²⁾.

Итакъ, мы видимъ, что *истина*,—если понятіе ея брать и въ самомъ распространенномъ и популярномъ значеніи, какъ согласіе знанія съ дѣйствительностью,—не есть *ничто окончательно кристаллизовавшееся*. Я намѣренно взялъ это понятіе въ его общераспространенномъ смыслѣ, чтобы избѣжать упрека въ тенденціозности. Да это необходимо и потому, что

¹⁾ *Дж. Ст. Милль*, Система логики. Пер II Л. Лаврева. 1865 т. II, стр. 292.

²⁾ *Ibid* Къ сожалѣнію, они этого не сдѣлали: они допустили мнимый фактъ и пытались избавиться отъ возраженія съ помощью умозравательныхъ доводовъ.

недовѣріе къ способности философіи овладѣть истиной высказывается обыкновенно людьми, имѣющими именно это понятіе объ истинѣ. Теперь для насъ легко будетъ понять, — да я думаю, что вы уже и поняли отчасти, — почему спеціальныя науки *накаплиють* свои пріобрѣтенія, а философія *пересматриваетъ* заново. Дѣло здѣсь отнюдь не въ томъ, что первымъ дается истина, а отъ послѣдней ускользаетъ. Дѣло совсѣмъ въ другомъ. Спеціальныя науки и философія стремятся познавать истину *при разныхъ условіяхъ*. Отъ этого получаются и разные результаты. Но въ своей сферѣ и науки и философія *достигаютъ истины*, только по разному.

Какъ я вамъ сказалъ, познаніе, достигаемое спеціальными науками, всецѣло запечатлѣно характеромъ *условности и относительности*. Въ рамкахъ своихъ предположеній и основныхъ допущеній каждая наука располагаетъ достаточными средствами для достиженія полной достовѣрности. Отнимите эти предположенія, — и науки теряютъ подъ собою почву. Слѣдовательно, достовѣрность спеціальныхъ наукъ есть, хотя и полная, но, въ послѣдней инстанціи (разъ мы расширимъ свой кругозоръ за предѣлы каждой данной науки), все-же *условная* или *относительная* достовѣрность. И спеціальныя науки вполне признаютъ эту условность, считая излишней всякую борьбу съ нею. Отсюда и возникло извѣстное правило: „*contra principia negantem disputari non potest*“, — нельзя спорить съ тѣмъ, кто отрицаетъ принципы, или общія начала. Въ предѣлахъ разъ признанныхъ предположеній и допущеній мысль вообще движется легко. Это видно уже на примѣрѣ всѣхъ налвныхъ міросозерцаній. А затѣмъ возьмите во вниманіе религіозно-догматическія доктрины древняго и новаго времени, которыя неуклонно растутъ и обогащаются содержаніемъ—до тѣхъ поръ, пока не поколебалась вѣра въ основные догматы или пока внѣшнія историческія препятствія не прекратятъ этого роста. Въ такомъ-же положеніи находится и научное познаніе: разъ его основоположенія и предпосылки точно соотвѣтствуютъ размѣрамъ его средствъ и его методамъ, оно безостановочно движется впередъ, не спрашивая о томъ основаніи, на которомъ строитъ.

Совсѣмъ иное дѣло—философія. Она стремится, какъ я вамъ говорилъ, *препобѣдить условность* познанія и достигнуть *истины абсолютной* или *безотносительной*. Это — основное

стремленіе философіи, образующее ея главный движущій нервъ; и въ немъ—источникъ ея вѣчнаго и безпокойнаго пересмотра собственнаго содержанія. Всякій разъ, какъ только это стремленіе ослабѣвало или не имѣло для себя пищи, такъ философскія основоположенія превращались въ догматы, создавалась школа, и разработка системы быстро и увѣренно подвигалась впередъ. Приверженцы всѣхъ великихъ философемъ видѣли въ нихъ *последнее слово* философскаго вѣдѣнія: въ ихъ глазахъ положенія исповѣдуемой ими доктрины стояли не менѣе твердо, чѣмъ любая научная истина. Но внимательный анализъ обыкновенно открывалъ условность и относительность самыхъ блестящихъ построеній,—и вотъ снова требовался пересмотръ всѣхъ началъ. Такъ всегда было, такъ несомнѣнно будетъ и впредь: *абсолютная или безотносительная истина* дѣйствительно никогда не дается философіи, какъ заколдованный кладъ, *но не истина вообще* (прошу это замѣтить). Во всякомъ случаѣ, мы должны согласиться, что невыгодное для философіи сравненіе ея съ специальными науками не имѣетъ для себя законнаго основанія. Философія въ принципѣ отрицаетъ то главное условіе, какое даетъ прочность и устойчивость специальнымъ наукамъ: она отказывается довольствоваться относительной истиной, которая какъ сумма окончательныхъ приобрѣтеній, накапливается въ сокровищницахъ наукъ. Она не ищетъ того клада, какой добываютъ эти науки, а кладъ, не дающійся ей, давно не дается *и имъ*. Сравненіе невозможно.

Не думайте, впрочемъ, что я считаю философскую истину чѣмъ-то совершенно не похожимъ на научную истину. Въ предупрежденіе этого недоразумѣнія, я при самомъ опредѣленіи истины и сказалъ, что философія ставитъ себѣ *тотъ-же идеалъ* истины, какъ и специальныя науки, т. е. согласіе съ дѣйствительностью. Съ тою-же цѣлью и въ опредѣленіе философіи включено, что она есть „*научное изслѣдованіе*“. Различіе касается только *условій и способа удостовѣренія* въ истинѣ; но въ этой разницѣ и заключается причина того, почему для прочихъ наукъ ихъ исторія не имѣетъ большого значенія, тогда какъ для философіи ея исторія существенно важна.

П. Тихомировъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).